

Любовь Матвеева

Обещал жениться

Посвящается моим родителям, любившим меня беззаветно.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Любовь... Она приходит, и словно прикосновением волшебной палочки моментально меняет нас самих и всё вокруг! Вдруг покажется, что до этой минуты мы не жили — спали, что жизнь начинается только сейчас!

Конечно, нам хочется зафиксировать это состояние НАВСЕГДА, монополизировать это чувство — пусть волшебство продлится, пусть останется навечно! Узаконивают ОТНОШЕНИЯ, которые ОТНОШЕНИЯ к закону не имеют...

А что потом? А потом она, как аромат из пузырька, исчезает... Получается, чувство любви всем знакомо, но в собственности ни у кого не имеется, сколько его ни увековечивай в документах... Но почему?..

Метаморфоза начинается, наверное, с того, что накал чувств у каждого свой, кому-то хочется

остроты чувств, а прежние притупились, некоторым приходит мысль, что один раз живём... И однажды обнаруживается, что объект восхищения, поклонения и вдохновения превращается для нас даже в свою противоположность, вызывая чувства опасные, а иногда и губительные!

Чтобы писать о ЛЮБВИ, надо обладать пером Шекспира. Я бы не взялась описывать это эфемерное чувство. Нет, не дерзну! Отважные же смело дерзают, тема их творчества — любовь! Любовь, о которой они говорят, как о чём-то реальном, будто это — не иллюзия. Узаконить иллюзию?.. Но когда доходит до брака, ПИСАТЕЛИ ПАСУЮТ, и немеют... А я нахально возьмусь в меру способностей описать ситуацию именно с этой минуты — с минуты узаконивания чувства на бумаге. Ведь я не писатель. Какой я писатель? Мне можно!

Если вы готовы провести это детективное расследование вместе со мной, тогда у меня будут спутники на этом пути — внимательные читатели. Их интерес поможет мне что-то понять, а я смогу поделиться с вами своими соображениями в конце книги. И у нас получится альянс!

Итак, вместе — в путь! В сферу непростых семейных отношений, почерпнутых прямо из жизни, которые мы попробуем анализировать! И... благослови нас небо!

Доверчивые девчонки

«Женишься — переменишься»

(русск. пог.)

Вовка Кулагин обещал жениться, и Людка тайком от всех лазала в спальню через окно. Хорошо, что родители жениха жили в частном доме — невысоко. Парень обещал жениться, и девушка верила ему! А что было бы с человечеством, если бы доверчивые девчонки не верили в полные сакраментального смысла обещания парней: «Я женюсь на тебе»? Да уже исчезло бы с лица Земли!

Эти тайные встречи были опасны и восхитительны! Ну, вы знаете...

Как! Не знаете? Никогда не лазали в окна к любимым? Жаль... А Людка любила, верила и даже не сомневалась. И... продолжала рисковать своим добрым именем и будущим!

Вовку любила ещё одна женщина — его мать, Вера Петровна. И когда однажды любовники вовремя не проснулись и не расстались, их тайна была открыта! Для матери это был большой удар. Она любила Вовку, и не верила его подруге. Мать вообще не видела достойных кандидатур в спутницы жизни для любимого сына!

А Вовка и в самом деле не обманул Людку, и женился, несмотря на сопротивление матери! Тем

более, что в этом уже была срочная необходимость...

С зубовным скрежетом приняла сноху Вера Петровна! Какими только словами не поливала она беременную избранницу сына и у себя дома, и в поликлинике, где много лет работала медсестрой! Её коллеги в глубине души сочувствовали бедной девушке: мало ли какими путями приходят к замужеству? Но только в глубине души...

Скоро Вовка стал отцом Ваньки. Внука пожилая женщина приняла с горячей душой, самоотверженно участвовала в его воспитании, продолжая яростно ненавидеть сноху. Натерпелась Людка, настрадалась, пока жили вместе, но молчала. Потом молодые каким-то образом отделились от стариков — сняли какую-то халупу.

Старший сын Веры Петровны, Мишка, уже давно был женат на Наталье. Хоть и тесно они жили, но отдельно. То ли потому, что жили они самостоятельно, то ли потому, что сын сосватал Наталью с согласия родителей, Вера Петровна любила первую сноху. Надо сказать, сам глава семьи Кулагиных хорошо попивал, и оба сына от этого увлечения не далеко не ушли — тоже имели слабость. Мать с этим как-то мирилась...

А когда Вовка отделился от родителей, оказалось, что у Люды железный характер! Сын почти перестал бывать в родительском доме,

покончил с дружескими посиделками под пиво на соседской заваulinке, стал упорно работать, и... из недисциплинированного, способного загулять паренька, превратился в токаря высокого разряда! Стал пользоваться уважением коллег, начальства. Было приятно, когда за примерный труд то путёвку супругам выделяют, то ценный подарок вручат, а то просто Почётную Грамоту. Они купили сначала мотоцикл, а позже и машину, встали на очередь на расширение жилплощади.

Люда тоже была работающей, и к тому же прекрасной хозяйкой — чистюлей, как её мать. Квартира их просто блестела! Появились новая мебель, стиральная машина-автомат, огромный холодильник, а Володя стал образцом примерного семьянина! Родился второй ребёнок — дочь Кира.

Жена Мишки Наташа, напротив, имела слабый характер, мирилась и с друзьями мужа, и его пьянками, считала, что сделать ничего нельзя... Может, потому, что отец её был пьющим. Также родила двух детей. Жили скромно — сами понимаете... Вера Петровна продолжала любить, помогать и сочувствовать Наташе — сама жила в подобной ситуации, с пьяницей-мужем.

Иногда Мишка прибегал к матери опохмелиться — у Веры Петровны на этот случай всегда был припасён «пузырёк». Частенько забегал утром, перед работой, чтобы тайком от жены

«поправить здоровье». Она охотно доставала для него заветную бутылочку. А как же! Мать она или нет? У сына же головка ва-ва! На работе он был на плохом счету, и его очередь на квартиру не раз из-за этого отодвигали.

Когда старый родительский дом попал под снос, городские власти выделили Вере Петровне с мужем отдельную однокомнатную квартиру. Вскоре муж умер. Жила-жила пожилая женщина одна, чувствует — это даже хуже, чем жить с нелюбимой снохой! Но ведь есть любимая... Наталья... Надо соединиться, улучшить условия жизни семьи выпивающего сына, живущих в однокомнатной квартире! Как ни уговаривали знакомые Веру Петровну сохранять автономность, ничего не вышло — съехались! Стали все вместе жить в трёхкомнатной!

Догадываетесь, что произошло дальше? Догадываетесь! Две хозяйки на одной кухне... К тому времени у Мишки уже произошёл инфаркт на почве пьянства, его едва привели в норму. Тем не менее, он... продолжил выпивать, плохо работал. Жили бедно, несмотря на значительную пенсию Веры Петровны, которая полностью отдавалась на нужды семьи. Она продолжала тайком угощать сына спиртным, опасаясь, что если он не выпьет, умрёт. Наталья её возненавидела за это! И просто за присутствие...

Вера Петровна сильно сдала, но старалась быть полезной — в её комнатухе кроме её куцего диванчика стояла детская кроватка, и маленький ребёнок — правнук, был на её попечении. Легко ли в таком преклонном возрасте не спать ночами с малюткой? И ещё там стоял холодильник, чтобы как можно меньше выходить на кухню, реже попадать на глаза лютой снохи. Однако, когда коллеги её навещали, продолжала утверждать, что всё лучше, чем жить одной. Не умеют наши матери жить для себя, и всё тут! Даже под гнётом молодых им лучше!

Потом она умерла. Были на похоронах все родные, как положено. Оба сына, внуки, и племянница Женя, оставшаяся довольно молодой без матери — родной сестры Веры Петровны. Ей тётка тоже много лет помогала материально и духовно, всем, чем могла! Как и сыновьям. Она отдавала всё родным, скромно одеваясь и никогда не отдыхая — и это в то время, когда к её услугам профсоюз с радостью бы выделил бесплатную путёвку в любой конец страны! Отдала всё, что могла — деньги, квартиру, силы, нервы! Но никто на похоронах не пожалел о ней...

Потом и Наталья взялась за мужа — будь что будет! Она категорически запретила алкоголь, и — ничего, Мишка пить бросил. Однако поздно, годы пьянства отразились, конечно, и на его лице, и на

качестве жизни семьи. А года два назад Михаила не стало... Надо, надо, надо матерям делать выводы! А в нас по-прежнему работает только инстинкт...

А на Володю с Людой до сих пор приятно смотреть когда они, обычно парочкой, хорошо одетые, появляются на нашем базарчике в выходной день...

Семейный талисман

«Счастье у каждого под мозолями лежит»
(русск. пог.)

Витька свою Томку приглядел ещё в пятнадцать лет — а ей в то время было одиннадцать. Взрослый его брат уехал из деревни, и построил свой домик рядом с родительским домом девушки в городе. Томке привозил он самые первые подснежники из своей деревни, когда приезжал в гости к брату, таял при встрече. Он старался произвести на неё хорошее впечатление, да и был хорошим человеком, но девчонке много лет до него не было дела — вот ещё, деревенщина! Впереди большая жизнь, сколько ещё вариантов будет!.. Однако Виктор продолжал держать Томку в поле зрения.

Позже Тамара даже другого паренька приглядела, городского, начало там намечаться

что-то вроде дружбы. Но Витька не оставлял Тамару, за что бывал бит городскими друзьями претендента на Томкино внимание. Однако его ничто не останавливало, чувства молодого человека с годами только росли и крепли.

А Тамара поступила в экономический техникум, и забыла про него. Однажды девушку неожиданно вызвали с занятий — её ждал Виктор: пришла повестка в армию, он приглашал Тамару в деревню, на проводы. Почему не съездить? Это же весело! Посмотреть, как у них там, в деревне, гуляет молодёжь... Говорят, весело бывает. И Тамара поехала. Сердце её было свободно, она по-прежнему ни по ком не «сохла».

— Будешь ждать? Приду из армии — поженимся! — волнуясь, с надеждой спросил Виктор. Он понимал — время девушки ещё не пришло, сердце её молчало.

— Если будешь писать мне каждые два дня!.. — легкомысленно пообещала та. И он писал, писал каждые два дня, как пообещал — незамысловатые, не очень грамотные, но искренние и сердечные письма. Она читала их с удовольствием, и подружки подтрунивали над ней — завидовали. Парень-то получился ладный! И Тамара начинала понимать — такое отношение надо ценить! Из опыта подруг она уже знала, что настоящие чувства — редкость. После армии они

поженились.

В армии у Виктора появился друг, Володя — земляки! Вовка жил в Байсаке, соседней деревушке, туда и вернулся после армии. А Виктор с Тamarой стали жить в городе Петропавловске. Вскоре и Вова собрался жениться, пригласил друга Виктора с женой на свадьбу. Те приехали. Невесту друга Веру одобрили, обоих поздравили, стали дальше жить-поживать.

Прошло восемь лет. У Вити с Томой родились уже двое детей, подросли, а у Володи с Верой всё нет никого. Что делать? Жить у всех на виду в деревне, да без детей, было горько, и отношения их разладились — каждый обвинял другого. Разошлись.

Снова Виктора с Тamarой зовут в деревню на свадьбу друга. Приехали — и посочувствовали, и порадовались, и обнадёжили товарища. Узнали от него, каково это — не иметь детей, да и родили себе ещё одного, третьего ребёнка. А у Владимира опять дело не идёт — и вторая жена не может ему родить... Узнаёт Володя от неё, что женщина уже не только подумывает об усыновлении, но и встала на очередь. Взяли они из детдома четырёхлетнего мальчика. Всё хорошо, но счастье какое-то усечённое получилось — мальчишке сразу четыре года... Хотелось всё испытать сначала... Решили ещё и девочку удочерить, совсем маленькую.

Приехали в Дом Малютки. Повели их показывать семимесячную девочку, Викторину. Володя по дороге склонился над одним младенцем, приглядываясь, а тот как обнял его за шею, так и не отпускает! Просто вцепился! Пришлось временно взять ребёнка на руки. Девочку посмотрели, понравилась, а малыша всё не могут оторвать от Володи. Взяли обоих, семимесячных... Второго мальчика назвали как папу — тоже Володей. Старший мальчик, Витя, названный в честь друга, помогал воспитывать брата с сестричкой, «близнецов».

Так и выросли все. Причём второй усыновлённый мальчик оказался самым талантливым, самым способным! По примеру родителей все дети стали достойными, трудолюбивыми, честными тружениками. Создали свои семьи. Последней вышла замуж Виктория. Этого очень ждал Володя, но порадоваться ему не пришлось, а как хотел! Два года назад его не стало — сердце. Видать, нерасчётливый был человек — на чужих детей сердца своего не жалел, потому и стали они ему своими, родными.

А Виктор с Тамарой через год будут праздновать свой юбилей — пятьдесят лет совместной счастливой жизни. Ведь у них есть семейный талисман — триста сорок восемь пожелтевших, пронумерованных, бережно

хранимых писем про любовь, перевязанных розовой лентой из когда-то густой Тамариной косы....

Ходит Тамара теперь с палочкой, но Виктор продолжает зорко поглядывать вокруг — «нет ли соперника здесь?..»

Чего только не бывает!

«Жить — не лукошко шить»

(русск. пог.)

Я никогда не затруднялась знакомствами, да большинство людей и не прочь поболтать, так что когда вчера села в автобус, чтобы ехать в центр города на масленичные гуляния, по какому-то поводу заговорила с соседкой-старушкой. Та ехала к подруге на блины. Я позвала её на праздник, но она отказалась — в восемьдесят два года не больно охота куролесить. Разговорились. Узнав, что она с тридцать пятого года рождения, из Брянска, я спросила:

— Так вы под немцами жили в войну? И какими они вам запомнились?

Она охотно рассказала, что отец пропал без вести в первые же дни войны. У матери на руках остались восемь детей. Когда старшую дочь Катю, подростка, фашисты хотели выслать в Германию,

мать забинтовала ей глаз, и девушка, как калека, была оставлена дома.

В одной половине их хаты жили немецкие офицеры. Один, Курт, был очень сентиментальный, всё показывал фотографии своих детей, и угощал хозяйских малышей. Второй, Фриц, стал было приставать к Кате, когда та стирала бельё офицерам. Девушка дала ему пощёчину. Офицер вырвал из кобуры пистолет и хотел её застрелить, но Курт успокоил товарища.

Скоро семья оставила свой дом и переехала в другую часть города, на квартиру. Мать продолжала работать в немецкой столовой, откуда приносила картофельные очистки, и кое-как кормила своих детей. В дальнейшем Катя, которую продолжал преследовать Фриц, сбежала в лес, к партизанам, помогала им. Там повредила топором руку — лишилась трёх пальцев.

Когда закончилась война, они не смогли вернуться в свой дом. На детей пропавших без вести солдат пособий не платили, жить было очень трудно. В это время из Кенигсберга, ставшего территорией Советского Союза, выселили всех немцев, и стали вербовать советских людей ехать туда. Сталин давал подъёмные.

Мать решила сменить место жительства — хуже не будет, и их направили в нынешний Черняховск. Так же, как всем, дали немецкий дом,

из которого настоящие хозяева мало что успели забрать с собой, в Германию. Так они снова обрели крышу. Все дети выросли, устроили семьи, родили детей. Все, кроме Кати, которая сильно комплексовала по поводу своей инвалидности.

Моя пожилая собеседница отказалась назвать свою фамилию, а имя назвала, Евгения. И стала готовиться к выходу, встала к двери. На её место немедленно села другая женщина лет пятидесяти пяти. Я кивнула новой соседке на выходявшую старушку:

— Чего только не пережили наши люди... Её сестра в партизанах лишилась трёх пальцев, и потому не вышла замуж...

Моя новая соседка сняла варежку и показала левую руку, больше похожую на культю:

— Я тоже лишилась трёх пальцев в колхозе, на уборке. А в это время мы с моим парнем, Виктором, только-только подали заявление в ЗАГС. Я ничего не стала объяснять, написала ему записку, что отказываюсь выходить за него замуж, и попросила меня не искать. Уехала к тётке, далеко, на Урал. Так Виктор меня нашёл, привёз назад, и женился! Живём с ним почти сорок лет, и муж такой хороший, лучше не бывает! У нас с ним четверо детей...

Тут пришлось выйти мне, и я пошла на праздник, размышляя: чего только не бывает!..

Супружеская жизнь

«Не радуйся чужой беде, своя на гряде»

(русск. пог.)

— Чтоб ты сдохла на столе! — сказал ей муж Виктор, который когда-то клялся ей в вечной любви. Сейчас он провожал жену на операцию по удалению раковой опухоли.

— Ты сдохнешь раньше меня! — ответила когда-то сходившая с ума от любви жена.

— Не дождёшься! Я абсолютно здоров, и проживу две жизни! — ответил муж, и стал строить планы на дальнейшую, холостяцкую жизнь.

А страшный рак оказался... жировиком. Жена вернулась из больницы, и «счастливая» супружеская жизнь продолжилась. Жена Надя — стояла на проходной мясокомбината, и строго следила, чтобы рабочие, которые к государственному добру относились, как к своему (ведь мы же и есть государство), делились экспроприированным. Семья жила настолько безбедно, что скоро встал вопрос и о приобретении машины! Но купить, стоя в очереди, было нереально.

В то время ветеранам войны выделили автомобили, некоторые захотели продать — это же

роскошь для неизбалованного нашего народа! Излишество. И вот один из таких автомобилей и был приобретён описываемой семьёй. «Обмывали» широко. Соседи и пили, и закусывали на славу. Один товарищ мужа, Семён, так растрогался, что после третьей рюмки предложил новую машину поставить в его гараж — машины у них пока не было. За хлопотами у праздничного стола Надя потеряла мужа из вида, а когда хватилась, не увидела ни мужа, ни машины, которая стояла прямо перед окнами.

— А где машина-то? Уже в гараже? — спросила она Семёна.

— Да нет, Виктор поехал вместе с Михаилом куда-то — покататься.

— Так он же пьяный! — ахнула Надя. — И прав ещё не получил...

В тот же вечер машина была разбита в прах! «Как пришла, так и ушла» — поговаривали соседи, имея ввиду неправедные доходы, на которые машина была приобретена. Руль врезался в грудь Виктора с такой силой, что переломился, что уж говорить про грудную клетку... У Михаила же были на мелкие части раздроблены ноги... Обоих мужчин насилу спасли. После этого Виктора посадили на полтора года за вождение без прав, да ещё пьяным.

Когда вернулся, его трудно было узнать —

высокий плотный красавец превратился в тень. Разбитая грудь постоянно давала знать о себе невыносимыми болями, и однажды врач сказал Наде тихонько, что в лёгких начался раковый процесс... Всё это длилось девять лет... Последние несколько месяцев Виктор уже не вставал. Вспоминал ли он, как пожелал смерти жене от рака? Жене, которая содержала его, растила детей, и самоотверженно ухаживала за ним до конца? Неизвестно... Умер он в тридцать семь лет...

Прошло тридцать лет. Вчера мы с Надей торговали луком за одним прилавком. Милая и миловидная женщина! Своих лет ей никак не дашь.

— Вы могли бы ещё замуж выйти, — сказала я ей.

— Не дай бог! — ответила она.

Плейбой

«Крепкий орешек сразу не раскусишь»

(русск. пог.)

Свои плейбои, казановы и мачо есть в любой деревне. Да, а что вы думаете? И у нас в городе плэйбой есть! Он проходит по улице в длинном тёмном пальто, высокий, ко всему индифферентный, ни в ком не заинтересованный, никакой не яркой

красоты, а все почему-то на него оглядываются, сердца устремляются вслед... И не только женские... Есть в человеке загадка! Что это? Я не понимаю. Какая-то внутренняя свобода, что ли...

Вот по телевизору показывают того, другого «золотого мальчика» вроде Тимоти — ну и что? Если бы не деньги папаш да их куролесы, кто бы о них знал? Низенькие они или высокие, симпатичные или нет, а ЭТОГО в них не вижу. А чего ЭТОГО, я вам и не скажу — сама не пойму. Загадка психологии!

На нашего же мачо — звезду местной величины — не обратить внимания нельзя. Ещё много лет назад я толкнула локтем товарку на базаре — а кто это? Мимо шёл совсем молодой парень лет двадцати с небольшим, просто шёл... И как шёл!

— Это Сергей. Он женат на цыганке, которая лет на пятнадцать старше его. Она влюбилась, и приворожила его.

— Так может, это он её приворожил?

— Зачем ему старуха?

С тех пор я стала издали следить за его судьбой. С годами парень стал зрелым мужчиной, который, видно, вполне осознал свою власть над сердцами. Среди цыган он стал своим, выучил язык, не работал, увлекался лошадьми. Его содержала любившая по-прежнему беззаветно жена. Детей у

них не было. Иногда его можно было видеть в длинном чёрном пальто и дорогой шапке, ничего не делающего для того, чтобы обратить на себя внимание, но почему-то по-прежнему заметного...

А потом мы увидели его и за рулём хорошей иномарки. Видно, «в копеечку» обходился жене-цыганке муженёк — плейбой! Чем же она зарабатывает? Через несколько лет цыганка попала на наркотиках. Её посадили в тюрьму на двенадцать лет, а он — по слухам — немедленно женился на молоденькой цыганке. Пару раз их можно было увидеть вместе, а потом он по-прежнему ходил один. Вот уже с год его не видно. Говорят, они с женой и дочкой уехали жить в Россию.

Я ничего больше не знаю, но иногда думаю о нём, как о явлении... Что это такое — плейбой?.. Я написала, что в каждом городе такой есть. У нас по-прежнему есть казановы и мачо, и плейбой был...

А теперь нет...

Боливар двоих не вынесет...

«Мать кормит детей, как земля людей»
(русск. пог.)

Вообще-то Марина не цыганка, а русская

девушка. Была. А потом влюбилась в красивого парня-цыгана, бросила школу, родителей, и без их согласия вышла за него замуж. Я помню, какими влюблёнными глазами смотрела она на мужа, но вместе их можно было увидеть редко. Внешность у неё была самая скромная, одеваться она стала в длинные юбки, хорошо выучила новый для неё язык, и по виду уже ничем не отличалась от других цыганок, с которыми и болталась по базару, добывая средства к существованию семьи.

Позже иногда её можно было видеть с маленьким мальчиком, сыном. Обычно цыгане отдают детей только в начальную школу, на этом образование и заканчивается — зачем?.. Но сын Марины закончил, кажется, восемь классов. На днях я увидела её со взрослым парнем в автобусе. Неужели это — её сын? Боже, как летит время! В автобусе было тесно, но удалось с ней немного поговорить.

— Сын? — спросила я её.

— Сын! — с гордостью ответила Марина, и окинула парня любовным материнским взглядом. Тот был высокомерен и снисходителен, как все молодые.

— Хорош! — сказала я, — похож на отца. Наверное, уже работает? — спросила я.

— Сейчас — нет, — ответила Марина, — ищем работу, вот уже пол-года..

— А у него есть специальность?

— Есть, автомеханик. Училище закончил, — ответила гордо моя знакомая. — Но везде требуются опытные работники...

— Так пусть хоть грузчиком идёт или лепёшки узбекам по базару таскать! — парень недовольно на меня взглянул, и отвернулся.

— Ну вот ещё! — ответила Марина. — Что о нём товарищи подумают? У него же образование!

— А как муж поживает? Здоров? Тоже не работает?

— Здоров, что ему сделается? Только мы уже давно вместе не живём. Разошлись...

И они стали толкаться к выходу. Марина не очень разговорчива, остаётся только догадываться — что там, да как? Знаю только, что муж не хотел, чтобы сын учился, а Марина была за образование. Муж не хотел работать, как все цыгане, и Марину это оскорбляло. Теперь она, такая маленькая и субтильная, кормит взрослого сына, который, похоже, тоже не намерен работать... Ведь у него — образование! Да и посмотрелся уже, как живут мужчины у цыган...

А Боливар двоих не вынесет...

Такая наша жизнь...

«Жить — не лукошко шить»

(русск. пог.)

Галька и Митька были соседями, и когда пришла их пора — влюбились тоже по-соседски. А чего далеко ходить? Галька после восьми классов поступила учиться в землеустроительный техникум, а Митька кое-как закончил ремесленное училище, и тут его призвали в армию. Галька обещала ждать...

По распределению после окончания техникума её послали в Усть-Каменогорск. Когда Митька отслужил, а Галя вернулась домой в Петропавловск, он поставил вопрос ребром: выходи замуж, обещала!

Девушка к тому времени поднабралась мозгов, повидала кое-каких людей, посмотрела на семью парня — нет, так жить она не хотела! Как ни ярился Митяй, как ни кипел, она стала его обходить, избегать. Устроилась работать на военный завод. Познакомилась на танцах с Арнольдом. Шикарный парень, с Митькой не сравнить! И вышла за него...

Скороспелое было решение! И этот выбор был ошибкой... От него Галя ушла на седьмом месяце беременности. Родители помогли, и когда сыну Славке было полтора годика, она продолжила работу на своём заводе, в конструкторском отделе.

Вскоре на завод по распределению приехали

трое парней из Ленинграда, «корабелку» закончили! Стали работать инженерами. Заводские девушки-невесты заволновались, и было от чего — парни как на подбор: и красивые, и умные, и перспективные! Трём из девушек повезло, одной оказалась Галина — Евгений от неё глаз не мог отвести! Наличие ребёнка его не смущало. Поженились, родили дочку. И жизнь покатила!..

Неродной Славка мужу не мешал, а в дочке Эльвире он и совсем души не чаял. И с карьерой всё было в порядке — стал Евгений Васильевич главным конструктором завода! Выпускали какие-то подводные ракетные боеголовки, и, бывало, по два месяца пропадали в командировках на морях — для испытаний военных изделий была нужна морская вода...

Хорошим мужем оказался Евгений, и продукция завода под его руководством выпускалась самая лучшая! Жили они, что и говорить, в достатке, в хорошей квартире. А тут девяностые с их разоружением. Американцы приехали на завод, мы, как лохи, всё им показали, военные изделия немедленно сняли с производства! Евгения Васильевича с группой специалистов послали в командировку в Америку — убедиться, что и те исполнили свои обещания, и подобная продукция у них тоже перестала выпускаться. А американцы вместо ответного разоружения

показали нам фигу, и сделали гостям от ворот поворот... Доверчивые мы люди...

У Евгения Васильевича пострадало не только самолюбие — здоровье. Он понял, что мы маху дали, старался убедить начальство, но те ничего не хотели знать — и продолжали привечать заморских контролёров.

Вчера я была у его жены Гали в гостях, ведь когда-то в детстве мы были соседями. Она налила мне виноградного вина — чудесного, со своей дачи! Я сразу захмелела — приятное состояние! Галя нарезала колбасы, достала из холодильника чудесной малосолевой сёмги. Попили мы с ней чаю, пооткровенничали. Галя рассказала, что сын её Славка живёт теперь в родительском доме со своей семьёй, пчёл держит, как дед когда-то.

Дочь Эльвира в папу удалась — умница! Она врач высокой категории, в Казахстане котируется, как лучший специалист в области гинекологии, если не сказать — светило! У неё вышла книга, нередко выезжает на международные симпозиумы, правда, за карьерой упустила создание семьи. Сейчас ей пятьдесят...

А Галине через пол-месяца «стукнет» восемьдесят. Она стала сильно болеть после недавней смерти мужа, почти не выходит из дома, горюет... Вместе с ним они прожили пятьдесят два

года...

Такая наша жизнь... Даже удачливые, успешные, трудолюбивые и многого добившиеся люди найдут, о чём горевать...

Горе обернулось счастьем

«Любо — так к венцу, не любо — к отцу»
(русск. пог.)

Молодых парней, выпускников сельхозтехникума, послали на практику в далёкую деревню из областного центра Петропавловска. Определили их жить кого куда, по местным жителям — гостиницы-то в деревне нет. Серик Бикбулатов, сын большого городского начальника, попал в дом местного скотника Нурали. У того было шесть детей, жили очень скромно, даже полы в ветхом домике были земляные, мазанные глиной. Непривычно было Серику, да приходилось перетерпеть — скоро надо было защищать диплом сельского механизатора. Отец обещал устроить сына в городе на хорошее место — связи у него, конечно, были.

В восемнадцатилетнего симпатичного практиканта с родинкой над правой бровью, Серика, без памяти влюбилась старшая дочь Нурали, Асель. Было ей уже двадцать лет.

Некрасивая, на взаимность она не рассчитывала. Тем более, что Серик увлёкся красавицей Жанелькой, все вечера с ней в клубе на танцах пропадал. Та собиралась ехать учиться в город, в экономический техникум. Молодые люди строили планы на дальнейшие встречи — уже в городе.

Наступил последний день практики, завтра парнишки возвращаются домой, никогда сюда больше не вернутся... И ночью Асель пришла к Серику в сарай, на сеновал... А парню что — красивая, некрасивая? Какая разница... Не отказываться же! Так всё и случилось... Подумаешь, сколько ещё девушек будет у молодого специалиста! Уехав, он и думать забыл об Асель.

А она понесла, и была выгнана родителями из дома: какой позор, незамужняя — и брюхатая?... Несчастнее её не было человека в селе... Приютили её на время дальние родственники, у них в сарае она и родила сына... Но как жить дальше? Родители про неё и слышать не хотели — кто других их дочерей замуж возьмёт, если старшая безнравственная? Да и родственники дали ей понять, что содержать её не собираются — своих детей много, живут бедно...

Что ей оставалось? Поехала она в город, в котором никогда не была. Нашла дом Серика — адрес ей кто-то подсказал. Вошла в квартиру, и молча положила на стол свёрток с ребёнком. Отец

Серика подошёл, развернул, увидел внука — с родинкой над правой бровью — и решил:

— Оставайся!

Серика не спрашивали, молодых поженили. Асель нарожала Серику таких красавцев-детей, что любо-дорого! Я сама их видела: один другого краше!

Через детей и муж жену полюбил. Было это давно, в семидесятые...

Нищета обернулась достатком, а горе — счастьем!

Кокетливая шляпка

«Что бросают, то и подбирают»

(русск. пог.)

Вхожу в автобус, и опускаюсь на единственное свободное место — рядом с милой женщиной в кокетливой, чёрной, поношенной шляпке, пальто на ней яркое, но тоже старенькое. На воротнике хорошенькая крупная брошь.

Если быть наблюдательным, можно многое понять о человеке. В данном случае женщина старается хорошо выглядеть, но средства её ограничены. Она бы ещё могла нравиться, но озабочена своими проблемами... У её ног три сумки с продуктами. Кого она кормит? Мы

обменялись доброжелательными взглядами:

— Холодно. Вы не знаете, сколько сегодня градусов? — первой обратилась она ко мне.

— Пятнадцать, — ответила я.

— А кажется, все двадцать...

Я согласилась: — Вы живёте не одна... — сказала я ей.

— Да, с внучкой.

— Сколько ей?

— Восемь...

— А муж где?

— Выгнала давно, ещё молодая. Мы мало прожили...

— А мы много, тоже выгнала... Встретил пьющую женщину, и стал пропадать из дома на несколько дней...

— Я живу напротив Военного училища, обратила внимание на одну пару. Она — запитая синявка, а он — лощёный, молодой, и покупает дорогой ликёр. И они вместе... Как это понимать?

— Начальная стадия... У мужчины... Может, тоже от жены бегают...

— Скорее всего... Тянет их на таких... С ними-то просто...

— Так вы без мужа ребёнка вырастили? — спрашиваю симпатичную соседку.

— Да, сына.

— Хороший или тоже — как муж?

- Очень хороший!
- Сколько ему лет?
- Тридцать.
- Дали образование?
- Д-дала — женщина споткнулась — юридическое. Немного не закончил...
- Отдельно живёт?
- Отдельно.
- Хороший, а, видно, с женой разошёлся, раз внучка у вас.
- Да.
- Работает?
- Р-работает — споткнулась она во второй раз, — иногда. Ищет себя...

Тут она подняла тяжёлые сумки и пошла к выходу. Я сообразила, что на этом автобусе она до Военного училища и доехать не могла... Кому понесла продукты?.. Ищущему, и всё не находящему себя «хорошему» тридцатилетнему сыну, с которым не стала жить жена, и который ещё подкинул ей свою дочь?..

Так что новые шляпку и пальто моя собеседница не скоро себе купит... Если купит...

Никакой логики

«Смерть придёт, и на печи найдёт»
(русск. пог.)

— Здравствуйте! Позовите Женю к телефону! — звоню я, хочу поздравить подругу детства с юбилеем — нам всем исполняется нынче по семьдесят лет.

— Не могу... Послезавтра будет сорок дней, как её нет... — и трубку положили. Похоронный звон явственно раздался в моих ушах — ЖЕНЬКИ — НЕТ?.. Как это?.. Мы же только два месяца назад собрались, наконец, все вместе — подруги, выросшие в одном квартале, сходили в кафе... Я всех снимала, у меня теперь целая пачка фотографий — надо раздать «девчонкам».

Ещё недавно я остановилась около Женькиного дома, хотела зайти, да подумала: на базаре увидимся. Она часто подходила к моему прилавку поговорить... На меня всегда смотрела так, как будто я сейчас закукарекаю — я ей чудаковатой казалась. Мне было обидно, но, наверное, так оно и есть. И вот ЕЁ — НЕТ?.. У меня это событие по-прежнему не укладывалось в голове. Снова попробовала позвонить, но теперь уже трубку никто не брал...

От чего она умерла? Когда я обняла Женю при встрече, удивилась — до того она неожиданно показалась мне худой в её свободном светло-сиреневом костюме. А всегда была плотной!

— Да ты сильно похудела!

— На четырнадцать килограмм, — подтвердила Женя.

— Ты не болеешь? — спросила я её, обратив особенное внимание на густую сетку морщин на её лице. Рановато бы ещё...

— Нет, недавно все анализы сдала, здорова, — ответила она.

И вот... На другой день я помчалась к Жениному дому, позвонила по домофону. Мне не отозвались. Позвонила в другую квартиру, попросила открыть дверь подъезда:

— Я к подруге, забыла номер квартиры...

— К кому?

— К Жене Ефимовой.

— Так она же умерла.

— Откройте, пожалуйста!

Мне открыли. Опять звоню в квартиру подруги — не открывают. Я прислушиваюсь — за дверью явно кто-то есть. И звоню, и стучу — бесполезно. Звоню к соседке. Выглядывает пожилая женщина, у ног её надывается лаем маленькая собачка.

— Я в пятую, мне не открывают... — говорю ей.

— Звоните ещё, они дома.

— Я слышу, что дома. Не открывают. А от чего Женя умерла?

— Саркома поджелудочной железы, завтра

сорок дней... Сделали две операции, не помогло.

— Они будут поминать? — я кивнула на закрытую дверь.

— На что? У них же денег нет.

— Но ведь похоронили на что-то...

— Да её чуть в общей могиле с бродягами не похоронили... Это им Женина сестра Валя из Германии выслала.

— Тогда передайте фотографии Жени сыну, — я протянула ей снимки. Соседка вгляделась:

— Д-а-а, Женя... Хорошая женщина была... Мученица... Это она в моём костюме — я ей подарила. Себе-то она много лет ничего не покупала, всё сыновей кормила. Эх, дети... — и женщина захлопнула дверь.

Я возвращаюсь домой, и пытаюсь понять, почему так рано «ушла» Женя? Росла она в хорошей, непьющей семье. Отец её, дядя Лёня, как и мой, работал водителем грузовика на элеваторе.

Женя в детстве и юности была высокой и некрасивой, в отличие от хорошеньких сестёр. Влюбилась в некрасивого, тоже высокого парня Пашку — он жил напротив них. Довольно нелепый, даже смешной, он возбудил в ней нежные чувства. Пашка — мы его звали Панка — долго не женился, и Женя всё питала какие-то надежды. А потом парень привёз неожиданно из деревни

прехорошенькую жену. Сейчас Панка старый стал, как и мы. Работает охранником на Южном рынке, куда прибывают овощи и фрукты с юга. Жена его давно умерла от рака, а сын сидит в тюрьме за наркотики... Уж не в первый раз...

А тогда... Тогда Женька сильно страдала от неразделённой любви. Потом из той же деревни — Архангелки — приехал паренёк, трудолюбивый, невысокий, ставший в дальнейшем мужем Жени. Сам он нежно её полюбил, а она, хоть и родила ему двух сыновей, видно, чувств к нему не питала, стеснялась ходить с ним, маленьким, рядом.

Потом муж от неразделённых чувств стал выпивать. Видно, на подрастающих сыновей это положительно не повлияло — оба стали выпивохами, и паразитировали на шее родителей и бабушки — тёти Любы, которая жила с ними. Муж Жени умер. Сыновья, два здоровых мужика и сын одного из них продолжали жить теперь за счёт двух старых женщин — матери и бабушки...

Тётя Люба, мать Жени, прожила долгую жизнь — умерла в девяносто лет. Следом, через четыре месяца, отравился алкоголем или чем другим один из её внуков — Жениных сыновей, Витька, и отправился вслед за бабкой, оставив на плечах матери своего сына-подростка Лёньку, названного в честь деда. Женя продолжала содержать второго сына и внука.

Ещё лет десять тащила их на себе. Внук был её надеждой, выучился на автомеханика. Но... работать тоже не захотел. Сейчас ему двадцать четыре года... Кажется, не пьёт, да долго ли начать бездельнику и с таким дядей? Как они будут жить дальше? Заставит ли хоть нужда взяться их за дело? Или профукают квартиру, да и сами погибнут?

Я подошла к своему дому, уверенная, что разобралась: **ИМЕННО СЫНОВЬЯ ЗАЕЛИ ЖИЗНЬ СВОЕЙ МАТЕРИ!**

Вечером раздался звонок, звонила подруга:

— Люба, Нина Колосова умерла, моя двоюродная сестра. Помнишь её? Хоронят во вторник. Ей только летом исполнилось семьдесят... Придешь?

— Надо проводить в последний путь, приду. Мы с ней иногда разговаривали. А как её муж? — спрашиваю я.

— Ничего. Ходит в шахматный клуб...

Я положила трубку. А эта-то почему умерла? Всю жизнь жила припеваючи, обеспеченно, с хорошим мужем, имела достойную работу, детей не было вовсе... Через два дня её похоронили на престижном кладбище, поминали в дорогом ресторане. Сюда же всех пригласили и на сорок дней...

Как я ни стараюсь, ни-че-го не могу понять в этой жизни! У одной подруги были муж и дети,

которые её мучили... Другая жила для себя... А умерли в одно время... И как я ни пытаюсь найти какую-то логику, закономерность — их нет...

О-о-о, женщины!

«Бабы в избу — мухи вон.»

(русск. пог.)

— О чём вы мечтаете? — спрашиваю новую знакомую на лавочке в парке. У той ответ готов:

— Поставить пластмассовые окна, сделать европейский ремонт! — без запинки чеканит она. Видно — это то, о чём она всерьёз и подолгу думает. Зубов у неё половины нет, а те, что есть — больные. Из рта сильно пахнет гнилью. Но губы покрашены.

— А себе собираетесь сделать хотя бы косметический ремонт? Вы же совсем молодая, а без зубов.

— Сначала — окна!.. — категорически заявляет она, — у всех соседей уже давно пластмассовые...

Я помню, как это началось. Вначале людям показались и идея дикая, и цена невероятная. Потом один сосед поставил, другой, возникла мода. И теперь люди готовы лишиться квартиры — берут кредиты на стеклопакеты... Между тем, на цену

одного окна можно съездить в Сочи поздороваться с морем, ведь некоторые его даже не видели...

У всех — свои приоритеты. Иногда — ложные, ведь деревянные рамы в квартире моей собеседницы, наверняка, совсем не нуждаются в замене... А микрофлора из больного рта постоянно отравляет организм.

Не умеем мы ценить своё здоровье больше мнения соседей...

* * *

Женщина восьмидесяти шести лет, живущая в своём доме, осталась без мужа. Умер. Теперь она очень хочет найти спутника жизни с благоустроенной квартирой и выйти за него замуж. Зачем? Чтобы «ходить» в тёплый туалет... Только непременное условие: жених должен быть татарин, как и она! То есть, два условия: мужчина должен исповедовать мусульманскую веру и обладать тёплым туалетом. Ведь подмываться мусульманам надо часто, а в своём доме это делать неудобно.

О-о, женщины!..

* * *

Восьмидесятилетняя женщина Светлана

Трофимовна пришла к семидесятипятилетнему вдовцу Кузьме Михайловичу с подругой, чтобы помочь ему засолить в банках огурцы. Возились долго, до самого вечера, но всё сделали. Подруга ушла — дома ждали муж, внуки, а одинокая Светлана Евгеньевна осталась, рассчитывая на награду. Интимную.

Кузьма Михайлович ещё мужчина хоть куда — высокий, симпатичный, и, как у нас водится, окружающие женщины всех возрастов строят на него матримониальные планы. Но к «роману» с восьмидесятилетней красоткой он не был готов.

— Иди домой, я спать буду! — объявил он.

Оскорблённая в лучших чувствах, рассчитывавшая на награду за свои немалые хлопоты, женщина ушла. «Импотент» — с её слов стали с удовольствием шушукаться старушки на лавочке. Известна пословица — «Говорят с уха на ухо, слышно с угла на угол», и приклеилась к мужчине кличка «импотент». Эх, если бы Светлане Евгеньевне было хотя бы лет пятьдесят, не опозорила бы она мужчину, получила бы награду!

О-о, женщины!..

Легко давать советы

«Звали на честь, а посадили за печь»

(русск. пог.)

В опускающихся сумерках я вижу одинокую фигуру пожилой женщины на детской площадке во дворе школы. Тут никого нет, скоро совсем стемнеет. Тихо ложится снег, её скоро занесёт. Сидит она неподвижно. Холодно же! Кажется, человек плачет. Я подхожу — что случилось? Разговорились.

Жила Бибигуль с мужем и детьми в посёлке Смирново, Северо-Казахстанской области. Муж был хороший, построил один дом для семьи, другой — для старшего сына, когда тот женился. Для другого сына купил квартиру в Астане, для дочери — квартиру в Петропавловске. Разводили животных — лошадей, коров, овец. Работы было много, зато и доход был. В деревнях-то люди теперь избаловались, ничего не делают: животных не держат, даже картошку не сажают. Односельчане и покупали у них молоко, творог, мясо, на праздники Наурыз, Курбан-Байрам или свадьбы баранов целиком брали, да не по одному.

Но вот муж умер, дети разъехались. Одиноко стало Бибигуль в деревне.

Задумала она поставить мужу хороший, дорогой памятник — чтоб не хуже, чем у людей. А пока дома, скот в деревне продала. Переехала жить к дочери, в Петропавловск. Деньги незаметно разошлись, но с мечтой поставить памятник она не

рассталась. А теперь, живя у дочери, чувствует, что лишняя. Вот, уходит по вечерам, когда дочь и зять возвращаются с работы, часа по четыре гуляет в любую погоду, чтобы они одни побыли. Плачет, чувствует себя обузой.

Но, что хуже всего, в мозгу у неё обнаружили опухоль, отчего она иногда теряет сознание. Сказали — когда опухоль подрастёт с четырёх миллиметров до шести, её удалят. Но доживёт ли она? Вот так свалится, и замёрзнет где-нибудь... В городе ни подруг у Бибигуль нет, ни друзей, даже чаю попить, поговорить не с кем!

— От чего опухоль? Может, вас муж бил по голове?

— Бил, но только по щекам! Хороший муж был, памятник надо поставить!

— Надо вам возвращаться в деревню, — советую я ей. — У вас включилась программа на самоуничтожение, погибнете. Вы ещё не старая — что за возраст шестьдесят лет? В деревне и до девяноста проживёте! Возвращайтесь, а то сами рядом с мужем ляжете — вместо памятника!

Легко давать советы...

Сёстры

«Жена взбесилась, и мужа не спросилась»

(русск. пог.)

Привести судно любви в гавань брака, а потом сохранить семью — дело архисложное. На какие только уловки не идут женщины! Я убеждена — любая замужняя женщина — это готовый, квалифицированный дипломат самой высокой категории! Скажем, как было у меня? До двадцати трёх лет я честно ждала своего принца, а потом поняла — женихов-то уже разобрали! Наступают последние времена обзавестись семьёй! Тут пришлось в дело пустить когти, зубы — подпирали молодые невесты, и я использовала его — свой последний шанс!

Для этого пришлось завербовалась на рыбную пугину аж на Камчатку — там рыба, тьфу, женихи погуще плавают! На кораблях. Моей добычей оказался восемнадцатилетний юнец, глупый и доверчивый, кок с того судна, которое нас на Камчатку перевозило. Пока доплыли до Камчатки, я его и обработала. Привезла голубчика из Петропавловска-камчатского в Петропавловск — казахский... Я пошла не самым трудным путём, и раздобыла себе мужа!

Моя двоюродная сестра, живущая в Одессе, Валя, оказалась более в себе уверенной. Наверное, потому, что была настоящей красавицей и имела высшее образование. Она тоже упустила своё время. Когда это поняла, осмотрелась. В соседях,

этажом выше, жил подходящий объект — профессор университета, владелец собственной квартиры, и... завязтый холостяк. Хорош собой, умён... Подходит, хотя объект не из лёгких. Но когда нам приспичит выйти замуж, мы не ищем лёгких путей! И тут пошли всякие женские штучки, в результате которых надёжно оснащённая крепость вынуждена была сдаться... Валя вышла замуж, и уже за тридцать лет родила сына Иннокентия!

Я продолжала жить в Казахстане, откуда и были родом мои одесские родственники, с ними мы активно переписывались. Потом письма стали приходить реже, реже, и совсем прекратились. В 1994 году мы с шестнадцатилетней дочерью Леной поехали в Одессу отдохнуть, навестили и родню. В то время Валя жила с матерью Марией и сыном Иннокентием у себя, муж был давно изгнан в свою квартиру этажом выше, и редко появлялся в семье — всё равно никуда не денется! Но тут его позвали — познакомить с роднёй.

Симпатичный мужчина Григорий Николаевич на работе был человек заслуженный, уважаемый! В семье же играл жалкую роль шута. Жена из него сделала Петрушку, которого забивают палками для удовольствия неприятязательной публики — фигурально выражаясь. Было неловко смотреть, как моя сестра не упускала ни одного шанса и способа

унизить мужа. Унизить в наших глазах, в глазах сына и матери, а он только хихикал, пытаясь представить, хоть перед нами, посторонними людьми, ЭТО шутками жены. А как на него смотрела эта глупая и злая женщина! Наверное, так римский полководец обзирал завоёванное государство, разрушенный до основания Карфаген, чтобы убедиться, что камня на камне не оставил!

Почему женщины бывают такие жестокие? Мстят за то, что в руки не давался? За предпринятые в своё время уловки женить его на себе? За собственные прошлые унижения? За то, что он — не принц на белом коне? Воистину сказал некто: «Мужчина предлагает женщине руку и сердце, а она высасывает мозг»... Признаться, мне и самой есть в чём себя упрекнуть... О-о-о, своих унижений женщины не забывают!

Вскоре Григорий Николаевич был изгнан к себе, а нас посадили за стол, угостили, потом оставили ночевать. Возвращаться на свою квартиру было поздно и опасно — мы снимали квартиру в Лузановке. Рано-рано утром Валя поднялась, чтобы поухаживать за своим лицом, подкраситься, и предстать красавицей уже за завтраком. Перед нами-то... Ей было под пятьдесят, и блекнувшая красота, видимо, вызывала боль привыкшей блистать женщины.

Иннокентию в то время было шестнадцать

лет. Обожающие его мать и бабушка мыли его в ванне своими руками, не пускали во двор, чтобы не якшался с дурными подростками, а на девушек он и смотреть не смел — рано. Я поговорила с ним, глядя на него снизу вверх, он и сам так считал — рано.

— А когда будет пора? — спросила я здорового парня.

— Ну-у, когда-нибудь за двадцать... расплывчато ответил он. Моя дочь — тоже шестнадцатилетняя девица, также попыталась поговорить с Кешей. Валя воспрепятствовала общению:

— Ему рано разговаривать с девушками! — резко вмешалась она.

— Ты с ума сошла? — спросила я её, — они ведь троюродные брат с сестрой!

— Ну и что? Тем более — ни к чему!

Я снимала их на плёнку на память — у меня к тому времени появилась видеокамера, привезённая из Эмиратов.

— Вы богатые, — не скрывала зависти Валентина, — ездите отдыхать!..

— Какие мы богатые, в Эмираты я за товарами езжу! И сюда мы приехали не столько отдыхать, сколько с вами повидаться — тридцать лет не виделись! Ты так ни разу и не побывала на своей родине. Хоть бы в гости приехала... Но

сестра продолжала брюзжать, что сейчас люди — не те, молодёжь — не та, особенно девушки... Им бы только деньги...

— Ты шутишь? Какие деньги? Любая сердце за любовь отдаст, и всю жизнь будет предана мужу, детям. Зря ты Иннокентия изолируешь от людей, от общения. Ему же надо социализироваться, научиться со всеми ладить, находить общий язык, в своё время создать семью...

Валя была со мной категорически не согласна. Я оставила им свой адрес, пригласила посетить нас, но родня не проявила к нашему приглашению интереса, и мы уехали, так больше и не повидавшись. Обиделась — мы к ним ехали четыре дня, а они не приехали к нам просто в другой район Одессы...

Григория Николаевича не стало в 2006 году, и опять меня поразила сестра своим безграничным горем по этому поводу — когда я звонила ей, она буквально заливалась слезами, хваталась за таблетки и падала в обморок.

— Да брось изображать! Я же помню, как ты его уничтожала живого, в землю втоптывала! По правде сказать, вообще такого никогда не видела!..

Но Валя горевала безгранично, может, жалея о своём бывшем отношении к мужу, и не тогда ли заронила в себя ростки болезни? А я всё собиралась в Одессу, собиралась и откладывала... Мне очень

хотелось повидаться с Валею снова... И вдруг — звонок, Вали не стало... Мне было больно... Опоздала... Из трёх семей в Одессе остались только девяностолетняя тётушка и сорокалетний племянник. Хоть с ними повидаться... И вот приехала в Одессу...

С трудом попала в квартиру Кеши. Он хоть и преподаёт в университете трудные дисциплины, от реальной жизни дистанцируется — никому не доверяет, добра от людей не ждёт, ладить с ними не умеет, пишет доносы на коллег. Отрезал все звонки, в квартиру к нему не дозвониться, не достучаться. Обещает разобраться с соседями, открывшими мне дверь подъезда... С девушками никогда не встречался, никого не любил... Наверное, было рано... А в сорок не поздно ли начинать? Его ребёнок уже бы мог школу закончить, а он ещё даже ни с кем и не целовался...

В квартире полный бедлам, все ящики вывернуты, ходить можно только узкой тропкой посреди квартиры. Я изо всех сил вжималась в спинку дивана, когда племянник — вполне сложившийся на вид крупный мужчина — то и дело ходил мимо меня в... тоненьких плавках. Его девственное сознание не подсказывало ему, что надо бы надеть брюки, а я стеснялась сказать...

Воистину:

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел...

Прав был великий поэт! Всему — своё время. Это правильно — быть молодым и глупым, зреть постепенно, как сыр в подвале... А мать и бабушка Иннокентия, любя его безмерно, желая оградить от ошибок и беды, до времени сделали его мудрым... стариком. Отравили своим негативным жизненным опытом. И получился... премудрый пескарь... человек в футляре.

На мебельной стенке стоит траурный портрет Григория Николаевича, на столе — траурный портрет Вали, и на нём она снова красавица! Перед портретом — восемнадцать тюбиков начатой губной помады, как некий гимн ушедшей красоте...

Просидев пару часов, я попрощалась с Кешей, отказавшись от чая — в кухню было не пройти, не переломав ноги.

А вдали от дома надо быть осторожной...

Везунчик Вася

«Век долго всем полон»
(русск. пог.)

Василий был красавец — высокий, голубоглазый, кудрявый блондин, а кудри в то

время девушками высоко ценились! И Вера, маленькая симпатичная девушка, не сделала ошибки, выйдя за него замуж. Родилась Ирочка... Это были пятидесятые годы, Петропавловск... Страна залечивала послевоенные раны, ещё даже не все люди были грамотны...

Василия, ставшего к тому времени бухгалтером и женатым человеком, послали в Москву, на учёбу в Высшую Партийную Школу — ВПШ. Поехали всей молодой семьёй — Вася, Вера и Ирочка.

Три года отучился Василий в Москве, к этому времени и стаж в Компартии составил три года, и получил предложение — на выбор три города. Партия и Совнархоз направляли их на восстановление промышленности страны. Василий выбрал город Одессу. Он возглавил там фабрику по производству сукна.

Кончились скудные времена убогого голодного детства, безденежного студенчества, снимаемого жилья и всяких недостатков. Им дали роскошную трёхкомнатную квартиру на улице Франца Меринга (наверное, уже переименовали, ведь Франц Меринг — немецкий коммунист). Тогда были ещё очень сильны родственные связи, стали подтягивать из Казахстана всю семью... Приехала мать Василия тётя Поля, с дочерьми Анной и Идой — сёстрами Васи. У Анны к тому времени была

дочь Валя.

Жили все вместе — поначалу квартира казалась очень большой. Потом Анна в своём институте получила двухкомнатную квартиру, и переселилась в неё с матерью, сестрой Идой и дочерью Валей. Вера с Василием и Ирой остались в роскошной квартире, наконец, своей семьёй.

Время не шло — бежало, как оно бежит и сейчас, не останавливаясь. Ирочка выросла, родилась и выросла и её дочь Марина. Семья жила обеспеченной жизнью, но семейная жизнь Иры не удалась в немалой степени благодаря матери Вере.

Поэтому внучка Марина в наступившие тяжёлые годы «перестройки» приняла самостоятельное решение, не посоветовавшись ни с матерью, ни с бабушкой, и вышла замуж за пожилого мужчину, брак с которым давал ей право переехать в Израиль, что и сделала. Потом туда уехала и дочь Ирочка.

Умер Василий, Вера ездила к внучке и дочери в Израиль. Решила, что те хорошо живут и обязаны ей помогать. Они не помогала, а содержание дорогой квартиры в Одессе было непосильно. У Веры был выход — выйти замуж.

В это время мы с дочкой и приезжали в Одессу в 1994 году. Пришли к Вере в гости. Вера жарит пирожки... В гостях сидит один из претендентов на её руку... Познакомились,

беседуем... Приходит другой претендент... Я удивилась — как Вера умеет всё улаживать — принимает в гости сразу двух кавалеров. Она не скрыла, что сомневается, в пользу которого принять решение... И выбрала более молодого, намного её моложе, и симпатичного...

Квартиру поменяли один раз, другой... Почему-то последняя квартира уже числилась за её новым мужем... Высокое давление свело Веру в могилу. Приехали дочь, внучка с правнучкой... Ничего им не досталось от богатых родителей, от большой квартиры. Всё досталось молодому мужу... Обида...

Потомки Василия — везунчика живут в Израиле, и почти не бывают на родине, связи с родными не поддерживают... Не отвечают и на мои письма в интернете...

Назвался Аркадием

«Живут не как люди, умрут не как родители»
(русск. пог.)

Он назвался Аркадием, и сразу покорила её сердце. Ирине даже нравилась его деликатность — целоваться они начали только через три месяца. На том и остановились, а Прина уже была готова на всё... Как-то случайно встретились с его матерью.

— Знакомься — моя мама, — сказал Аркадий Ирине. И представил Надежду Николаевну.

— Ирина, — протянула руку девушка. — Аркадий! — тут же обратилась она к парню...

— Какой Аркадий? Это моя Лена! — возмутилась женщина.

Это был шок... Ведь обещал жениться... Но знакомство продолжилось, и становилось всё теснее. Теперь молодые уже три года живут вместе, в Москве — они оба коренные москвичи. Родные смирились. Ира так и называет друга Аркадием, не работает. Все заботы о семье «Аркадий» взял на себя. «Он» работает в нефтяной компании на хорошей должности, зарплата это позволяет... Своей «тёще» часто дарит цветы, желая добиться признания, но пока на этой почве не преуспел. Молодые подумывают об усыновлении ребёнка...

Ида

«Что про то говорить, чего не можно воротить.»
(русск. пог.)

Когда-то давно, ещё в шестидесятые годы, моя тётя Поля — жена погибшего на войне брата моего отца Михаила, переселилась туда со своими тремя детьми — Анной, Василием и Идой, рождёнными до войны, из Петропавловска. Всех

вырастила, всем дала образование, со временем семья расселилась. А вот дружба между детьми была очень условная, и после смерти матери оборвалась навсегда... Жили в одном городе — Одессе, но не общались... Так бывает...

Ида была очень красива, но впервые вышла замуж уже в сорок лет. И хоть муж, Яков Яцуков, оказался достойным человеком, рожать детей было поздно. Якову тоже было за сорок, работал прорабом в строительном институте, где работала и Ида. Прожили они больше одиннадцати лет, муж умер. Умер странной смертью — поехал под Одессу, в деревню «Большая долина» повидаться с роднёй, которая любила выпить. Видно, выпили по случаю приезда, но что — неизвестно. И Яков умер мгновенной смертью. Якобы, от инфаркта.

— Я его не хоронила, — вспоминала Ида, — родня мне его тело не отдала, похоронили его там же, на родине. А потом оказалось — несколько лет получали за него пенсию, как за живого...

Ида сделала ещё попытку обзавестись семьёй — на этот раз неудачно. Через год они разошлись. От института, где работала Ида, ей дали однокомнатную квартиру в центре Одессы, на улице Троицкой. Сюда я и прибежала в первый день пребывания в Одессе на этот раз, чтобы повидать двоюродную сестру. Что-то она перестала отвечать на мои звонки из Петропавловска...

Вот улица Троицкая, нужный дом, я узнаю дверь квартиры Иды, но ответом на все мои звонки и стук — молчание. Жива ли сестра? Ведь в апреле следующего, 2018 года, ей будет девяносто... Звоню соседям... И узнаю — жива! Забрали её добрые люди, чтобы досмотреть... А в квартире Иды делается ремонт...

Спасибо доброй соседке Людмиле — она позвонила опекуну Иды, бывшему её сослуживцу и соседу Ивану Семёновичу Нищенко. Спасибо судьбе — день был субботний, и он оказался дома. Спасибо самому Ивану Семёновичу — действительно, добрый и отзывчивый человек. Чтобы дать мне возможность увидеться с родственницей, он отложил все дела, и немедленно прибежал за мной, чтобы сопроводить к сестре, на его квартиру на улице Успенской. Это — не очень далеко, через несколько кварталов.

И вот я обнимаю сестру... Какая она стала маленькая и худенькая! Впрочем, она всегда была миниатюрной. Оказывается, дело не только в этом — недавно Ида переболела тяжёлой формой воспаления лёгких, лежала в больнице, и семья Ивана Семёновича всё делала для того, чтобы помочь ей преодолеть болезнь!

— Живу, как у Христа за пазухой! — сообщила мне Ида. Похоже, она говорила правду — у неё отдельная комната, рядом — кухня, где она и

возилась, когда я пришла. По всему видно — люди живут в достатке. Иван Семёнович показал мне всю квартиру, напоил чаем и даже взялся готовить обед, пока мы с Идой погрузились в воспоминания давно минувших дней — сестра рассказывала мне о подробностях жизни нашей семьи и, в частности, моих родителей. Оказалось, я знала далеко не всё...

Здоровье Иды теперь пошло на лад... Мы сфотографировались на память, хоть я надеялась ещё забежать к ним, и попрощались. Я снова попытаюсь увидеться с ней через два дня, принесу ей одну из своих книг и семейное фото, где она совсем молоденькая. Но их мне придётся передать через соседку Валентину — все будут на работе, и открыть на этот раз мне будет некому...

— Вот такие хорошие люди присматривают теперь за моей сестрой, — с удивлением поделюсь я со случайной собеседницей в трамвае.

— А вы напрасно удивляетесь, — скажет она мне. — У нас, в Одессе, так плохо не поступают со стариками, как где-нибудь в Москве, из-за квартиры. — У нас, действительно, хорошо — честно и с любовью смотрят за ними...

Такие у нас люди...

Оказывается, в Одессе живут только хорошие люди... А те, которые устроили бойню у Дома Профсоюзов, наверное, были приезжими...

Останься со мною, Олеся...

«Дудочку не надуешь, дурочку не научишь»
(русск. пог.)

Мою симпатию завоевать легко — если вы захотели прочитать один из моих рассказов, а тем более выразили желание приобрести книжку — вот уж вы мне друг навеки! С Олесей мы познакомились в Одессе, в комнате отдыха при вокзале. Молодая красивая женщина самой лёгкой весовой категории, изящная и очаровательная, вошла и всё осветила своей улыбкой:

— Здравствуйте, будем соседями. Не возражаете? Меня звать Олеся. А вас?

— Любовь Леонидовна.

— Я пойду в кафе, поужинаю.

Беспечно оставив весь багаж на незнакомую тётку, Олеся выпорхнула, надолго оставив меня разбираться с украинскими телевизионными новостями. Уже поздно вечером моя новая соседка, наконец, появилась:

— Не скучаете, Любовь Леонидовна?

— Ты запомнила, как меня зовут?

— Это было легко — мою маму тоже звать Любой.

— А почему так долго?

— Ждала, когда приготовят свежее блюдо. —

Олеся разделась, оставшись в красивом белье, и нырнула в постель:

— Завтра вставать в пять утра. Я приехала из Брянска за товаром, поеду на базар «седьмой километр». Уезжаю завтра, московским.

— Так и я завтра, московским! У меня двенадцатый вагон.

— А у меня десятый. Спокойной ночи! Значит, завтра снова увидимся...

— Спокойной ночи!

Мы попрощались, но, как принято у «девчонок», болтали ещё долго. Узнав, что я, так сказать, «писатель», Олеся немедленно пожелала приобрести у меня книжку, что и сделала. Я прониклась к ней ещё большей симпатией и благодарностью. Потом мы болтали ещё часа два, и ничего не скрыли друг от друга. Вот её история.

Дважды Олеся была замужем, но всё было «не то». Девушка она начитанная, с принципами, со своей системой координат в жизни, предприимчивая и деятельная. Вот некоторые из её рассуждений:

— У меня есть статус: «Слышна мольба меня и остальных: спаси, судьба, от помыслов дурных! Возвысь мой дух, в надежде не покинь, и ниспошли мне мужество... Аминь...» — Расул Гамзатов. Эти помыслы столь просты, сколь и коварны... Ложь, гордость, алчность, и все их производные... Они

дают наслаждение лишь на миг и требуют новых жертв... Лишая здравого смысла и воли... тем самым лишая счастья... — я не всё в состоянии была запомнить и понять, кроме одного — «Олеся — умная и начитанная девушка!»

Вот с такими представлениями и принципами, Олеся решительно отвергала возможных спутников жизни. Всё было не то. А «то» оказался уголовник, отбывающий сроке в тюрьме за... убийство. Якобы случайное убийство на охоте. Посадили парня — Женьку — на девять лет. Ко времени знакомства до конца срока ему оставалось сидеть два с половиной года. Он обратил внимание на красивую женщину в интернете, написал дважды, Олеся не ответила. А потом как-то «закрутилось».

Олеся из человеколюбивых соображений решила поддержать человека, познакомилась с его друзьями, семьёй — мать парня жила в деревне, одна воспитывала шестерых детей. Да и увлеклась... Ездил на свидания... Возила посылки...

— Высокий? — спросила я.

— Нет, — ответила собеседница.

— Красивый?

— Нет. Лысоват...

— Умный?

— Ни одной книжки не прочитал... Простой, как валенок...

И, тем не менее, он тронул её сердце! Любовь... Что тут скажешь... Чем недоступнее, тем желаннее... Понравились ей и его друзья, и простая семья, и естественная деревенская жизнь. Приняла парня в свою семью после выхода на свободу, познакомила с двенадцатилетним сыном. Два с лишним года успели пожить вместе, как семья. Женька старался заработать, но легко ли устроиться на работу бывшему уголовнику? Он пытался всячески оправдать надежды искренне любимой к тому времени женщины, и она того стоила! Не только красавица — умница! Вот некоторые её рассуждения:

— У человека так: либо он хозяин своих пороков, либо пороки им руководят. Те парни, что сидят за решёткой, часто думают, что всё о жизни знают, думают, что способны подцепить кого-то на свой крючок. На самом деле они сами сидят на крючке своих представлений о себе, своих возможностях. Выходят — а ничего не получается, крючок всё время обламывается, они озлобляются, и опять на чём-то попадают. Я сразу сказала Женьке — если снова нарушишь закон, я тебя ждать не собираюсь. Жизнь одна, и она проходит. Но что делать, если он меня, как никто, наполняет?..

Немного подумав, Олеся добавляет:

— Наверное тут дело не только в том, что он

меня наполняет... Просто вокруг много людей, а человечности мало... А в этом человеке ещё горит огонёк доброты и человечности (в убийце!), поэтому я не могу пройти мимо и не подать ему руку... но не более. Человек должен сам захотеть выбраться из ямы!

А потом произошло то, что и должно было произойти с человеком, у которого нет чётких представлений — что можно, что нельзя, который склонен поиграть с Законом, с человеком без жизненных координат, получающий адреналин от остроты ситуации. Он опять забыл, что с Законом надо быть на «вы». Поехал Женька домой в деревню повидаться с родными, выпили с друзьями, и пошли «на дело». Друзья «завалили» двух «мироторговских» бычков. Задачей Женьки было доставить добычу на место. Запряг он конягу, и повёз бычков на делёж. Ну, тут их и загребли. И снова дали срок...

— Я понимаю, где два срока, там можно ждать и третий — это уже система, и не обещала ему ничего. Но поддержать человека... почему не поддержать? Я посылаю ему книги, пусть больше читает, восполняет в себе пустоты воспитания. Но что делать, если я ни в ком не встречаю того, что обнаружила в этом человеке?.. Он меня наполняет — снова повторяет она...

Будет ли читать её книги человек,

непривычный к чтению? Она верит, что будет! Олеся убеждает меня, что не собирается ждать снова — но ждёт. И опять надеется... А как без надежды жить человеку?..

На другой день мы с Олесей встретились уже у поезда. Она посоветовала мне найти и прочитать духовную книгу «Отец Арсений», «Легенды Невского проспекта» Веллера, найти в интернете материал «Громкие дела «Мироторга». В Брянске я вышла попрощаться с новой знакомой — маленькой, мужественной, непреклонной, не рассчитывающей ни на чью поддержку, но сама желающая быть кому-то опорой! Познакомилась с её мамой, которая пришла встречать дочь. Я поняла, на кого похожа Олеся! Милая миниатюрная женщина... Вот только судьба к маме была более милостива — она много лет живёт с достойным человеком — отцом Олеси.

Пожелаем же счастья Олесе, которого она, несомненно, заслуживает!

На фото Олеся в ожидании поезда «Одесса-Москва» читает мою книжку «Там, где бродят кенгуру».

Красота спасёт...

«Каков сад, таковы и яблоки»
(русск. пог.)

Есть у меня две подруги — ещё с детства, Лида и Тоня. Лида всегда была серой мышкой с неприятными запросами, малоразвитая, необщительная, но трудолюбивая и домовитая. Тоня — наоборот красавица с большими запросами! Она получила хорошее образование, уехала с мужем на Украину, работала завучем в школе, под Донецком, была активной общественницей. Обе девушки вышли замуж, родили сыновей.

Наступили трудные времена, и Тоня тоже показала себя трудолюбивой и находчивой. Интеллигентка, которую не видели без маникюра, теперь держала огород, завела корову, ухаживала за ней, доила, продавала молоко на базаре — не дала пропасть семье, не растерялась. Заболел муж... Много лет она была его спасительницей и опорой...

С судьбой не поспоришь... В своё время обе потеряли сыновей, потеряли они и мужей... Теперь они вдовы — одинокие, бездетные... Но как по-разному они живут! Лида совсем замкнулась в своём старом доме, где жилым не пахнет, завернулась в кокон — друзей у неё нет, с соседями не общается, во дворе её — злая собака. Прямо сказать — не живёт, а доживает: ничего её не радует, перспектив не видит, все её мысли о неужавшейся жизни, которая закончилась...